

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 10

1953

Лев ОШАНИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

СТИХИ и ПЕСНИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 10

Лев ОШАНИН

СТИХИ и ПЕСНИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1953

ЛЕВ ОШАНИН

Лев Иванович Ошанин родился в 1912 году в г. Щербакове, Ярославской области, в семье юриста. Кончил семилетку в Москве. В 1930—1931 годах работал на Московском заводе имени Маленкова чернорабочим, потом токарем. В 1932—1935 годах был в Кировске, Мурманской области, директором клуба горняков, практикантом и помощником заведующего флотационным корпусом апатитовой фабрики, работником газеты «Кировский рабочий».

В 1936—1939 годах учился в Литературном институте имени А. М. Горького.

Печататься начал в 1930 году; с 1937 года стал писать песни. Из песен наиболее популярны «Гимн демократической молодежи мира», «Гимн Международного союза студентов», «В бой за Родину», «Дороги», «Ехал я из Берлина», «Марш юных пионеров» и другие.

Первый сборник стихов, «Всегда в пути» («Молодая гвардия»), и сборник песен в серии «Песни советских поэтов» (Музгиз) вышли в 1948 году. Затем в 1950—1952 годах изданы книги: «Дети разных народов», «Песни молодежи», «Беспокойные сердца», «Стихи и песни о друзьях».

За стихи и песни к кинофильму «Юность мира» Л. Ошанину присуждена Сталинская премия 1-й степени за 1950 год.

И БУДЕТ ВЕЧНО ЖИТЬ ТОВАРИЩ СТАЛИН

Никто не в силах до конца поверить,
Что так безмерно велика беда,
Что тот, чью жизнь веками не измерить,
Не улыбнется больше никогда.

Товарищ Сталин! Горе сердцем встретив,
Словами чувств людских не передашь.
Единственный на всем бескрайнем свете,
Как надо нам услышать голос Ваш!

И если бы исполнилось желание!
Чтоб хоть на миг остались Вы в строю,
Любой из нас Вам отдал бы дыханье,
И кровь свою, и жизнь свою.

Ушел отец, сердца наполнив болью,
И руку не пожмет он никому.
Но гений свой, свою стальную волю
Оставил он народу своему.

Мы шли за ним среди грозowych весен.
Он был без сна и отдыха в Кремле
С тех пор, как клятву Ленину принес он
И Лениным остался на земле.

Он нам открыл, он к нам приблизил дали.
И нет пути прекрасней и прямей.
И будет вечно жить товарищ Сталин
В делах его могучих сыновей.

Из рук его приняв святое знамя
И зная, что дорога нелегка,
Ответственность берет перед веками
Непобедимый сталинский ЦК.

1953.

НАЧАЛО БИОГРАФИИ

Маленький, старинный, беззатейный,
 С кирпичами, выцветшими в цоколе,
 Мой завод, чугунный и литейный,
 Помнишь, как учился я на токаря?

Тихо смена тянется ночная.
 Я склоняюсь к лампочке лицом.
 Тоненькая стружка озорная
 Искрами взлетает под резцом.

Пусть он прост чугунной простотою,
 Этот клапан, выточенный мною,
 Но зато на долгие года
 Где-то под заводами и клубами
 Управляет водяными трубами
 Первый вестник моего труда.

А среди прибоя городского,
 Как, бывало, в Юношеский день,
 Лихо шли с завода Маленкова
 Комсомольцы в кепках набекрень!

Наша сила, радость наша светлая
 Песнею летела по рядам,
 И улыбка Сталина ответная
 Через площадь возвращалась к нам.

Песня в небе, чистый звон металла,
 Ясный взгляд из-под густых бровей —
 Вот оно, рождение и начало
 Личной биографии моей.

1947.

НА АПРЕЛЬСКИХ БУЛЬВАРАХ

За душой у студента четыре рубля
Да записка любимой в одной из тетрадок.
На апрельских бульварах открылась земля,
Мир лучист и прекрасен и полон загадок.
Почему-то из Ленинской¹

 путь на Арбат

Нам по улице Горького светит огнями...
Вот и площадь. И, встретив хороших ребят,
Пушкин шляпу снимает, здороваясь с нами.
Он веселье любил. Мы его пригласим
В карнавальную полночь весеннего бала.
Что бы значили мы, незнакомые с ним?
Где бы встретились мы без Колонного зала?
От чего б мы пьянели,

 без ранних мимоз,

Без дворцов под землей, без галерки во МХАТе?
Здравствуй, город открытий, музеев и звезд,
Город — воин и зодчий, творец и мечтатель!
От весеннего ветра звенит голова,
Разбежались бульваров шуршащие ленты.
Здравствуй, наша Москва, молодая Москва!
Здравствуй, лучшая в мире столица студентов!
Нам на улицах тесно.

 Студенческий путь

Без билетов, со смехом — на шесть пересадок.
Крымский мост через Волгу, направо свернуть —
И полюбятся аллеи Нескучного сада.
Под ногой прошлогоднюю слыша траву,
Дальше, дальше — тропинкой к горам Воробьевым.
Неужели вот так же, как мы, на Москву
Юный Герцен отсюда глядел с Огаревым?
Может, не было дружбы светлей и верней.
Вдаль отсюда глядели они, как пророки.
Только мало навстречу светилось огней,
Слишком были они на земле одиноки.
Поклянемся же в дружбе на тысячи лет,
Чтобы с первого курса до смертного часа
Мы, как юноши, шли по звенящей земле
Небывалых открытий и солнечных красок.
Мы отсюда в сверкающий мир понесем

¹ Государственная библиотека имени В. И. Ленина.

Дружбу сердца и мысли, мотора и хлеба.
Пусть скрепит нашу клятву высоким огнем
Неподкупное наше московское небо.

1947.

* * *

Товарищ мой! Тому, кто подрасти
Успел к началу первой пятилетки,
Не позабыть походы, и разведки,
И дружеские встречи на пути.
Как будто все, поутру встав однажды,
Решили навсегда покой забыть,
Одной обуреваемые жаждой —
Все перестроить и перекроить.
Шли поезда, нагруженные лесом,
Шел камень кверху из глубин пещер.
Кто б ни был ты: бетонщик или слесарь,
Десятник, техник или инженер, —
А все твои расчеты и проекты
И все мечты твои посвящены
Какому-нибудь новому проспекту
В незаселенном уголке страны,
Какой-нибудь железной магистрали,
Тоннелям первой линии метро
Или дворцу из хрусталя и стали,
Поставленному ладно и хитро.
Бывало, сну лишь час за сутки даришь,
Спишь в рукавицах, ешь на холоду,
Но слава наша, сверстник и товарищ,
В тридцатом начинается году.
И на Алтае юноша в разведке,
Свой восемнадцатый встречая год,
Мне, комсомольцу первой пятилетки,
На труд и дружбу руку подает.

1946.

УЩЕЛЬЕ

Тихо в молибденовом ущелье,
Залитом полярной белой мглой,
Спит гора под снеговой шинелью,
Елочки прикрыв одной полой.

И палатку на знакомом склоне
Отыскать я сразу не могу.
Вот она — дымком зовет

и тонет,
Как землянка, глубоко в снегу.
Тает на моих ресницах иней,
Мне картошка обжигает рот,
Как ямщик замерз в глухой пустыне,
Из Москвы нам Лемешев поет:
«Степь да степь...» Но, песню прерывая,
Рядом —

в толще каменной гряды —
Ворвалась внезапно буровая
В самый твердый в мире пласт руды.
А Москва лишь слышится и снится.
Что Москва! В холодной мгле дорог
Из палатки кажется столицей
Даже наш полярный городок.
А уйдешь в снега под звезд мерцанье, —
Там, в пустыне белой, неживой,
Чудится, что в центре мирозданья
Огонек палатки буровой.

Тихо в молибденовом ущелье,
Лишь копыт оленьих перебор.
Я спешу к другому новоселью
В белых складках непочатых гор.
Путь олений однотонен, долот
По хрустящей снежной целине.
И уже полярный звездный холод
Заглянул под малицу¹ ко мне.
То как руки белых великанов,
То как тени башни ледяной,
Сполохи — предвестники буранов —
По небу проходят надо мной.
Маленький под тенью млечных башен,
По-хозяйски я гляжу во мглу.
Мрак не вечен и мороз не страшен,
Если едешь от тепла к теплу.

1946.

¹ М а л и ц а — меховая верхняя одежда.

ОЛЕНЕНОК

Мы олененка взяли на руки
И тропами глухой земли
С сырых камней Медвежьей вараки¹
В наш новый город принесли.

На одеялах, щедро постланных,
Он вырос в городском доме.
И мы вчера, уже как взрослому,
Овса насыпали ему.

А он стучал рогами новыми —
В тепле согреться он не мог, —
За дверь с непрочными засовами
Ушел на снежный холодок.

За речкой, в нашем старом лагере,
Забыв про дружбу и ночлег,
Искал он сладкий стебель ягеля,
Копытцем разрывая снег.

Глядим мы на гору из форточки,
На меркнувший полярный день.
Наш край такой же несговорчивый,
Как этот маленький олень.

1946.

РАЗГОВОР В ТУНДРЕ

Старик помолчал, попросил огня,
Трубку медленно раскурил.
— О Сталине спрашиваешь меня?
Я никогда с ним не говорил.

Но в тундре, которая далека,
Где олень в снегах выбивался из сил,
Я видел Кирова —
 ученика
Того, о ком ты меня спросил.

Он пришел и сказал:
«Через год,

¹ В á р а н а — маленькая гора.

Чтоб сердце твое согреть,
Всю полярную ночь напролет
Здесь будут огни гореть».
А я прожил семьдесят лет
На этом берегу.
Я усмехнулся ему в ответ:
«Не бывает огней в снегу!»
А он указал на берег рукой —
И дорога в снегу легла,
И дом поднялся перед скалой
Выше, чем скала.
И я говорю — ты слушай и верь:
Я, как скала, сед.
Столько света в тундре теперь,
Что ночи больше нет.

Старик помолчал, попросил огня,
Трубку потухшую раскурил.
— О Сталине спрашиваешь меня?
Я никогда с ним не говорил.
Я стар. Не читал я газет и книг,
Руку его не жал рукой.
Но если такой его ученик,
То сам он тогда какой!

1936—1946.

НАЧАЛЬНИК РАЙОНА ПРОЩАЕТСЯ С НАМИ

Начальник района прощается с нами.
Немного сутулый, немного усталый,
Идет, как бывало, большими шагами
Над кромкою шлюза, над трассой канала.
Подрубленный тяжелой, глубокой болезнью,
Он знает, что больше работать не сможет.
Забыть о бетоне, забыть о железе
Строителю в жизни ничто не поможет.
Немного сутулый, немного усталый,
Он так же вот шел Беломорским каналом.
Он так же фуражку снимал с головы
И лоб вытирал на канале Москвы.
И все становилось понятнее сразу.

Едва промелькнет его выцветший китель.
А папки его рапортóв и приказов —
История наших великих строительств.
И вновь вспоминает начальник суровый
Всю жизнь кочевую, что с ветром промчалась,
Дорогу, которую дай ему снова, —
Он снова ее повторил бы с начала.

И только одно его душу тревожит,
И только одно возвратить он не может.
Опять вспоминаются милые руки
В заботливой спешке, в прощальной печали.
Не слишком ли часто они провожали.
Не слишком ли длинными были разлуки?
А если и вместе, —

ночей не считая,
С рассвета в делах и порой до рассвета, —
Он виделся с ней лишь за чашкою чая,
Склонясь над тарелкой, уткнувшись в газету.
В заботах о людях, о Доне и Волге
Над ольгиной он и не думал судьбою.
А сколько ночей прождала она долгих,
А как расцветала под лаской скупой...
Он понял все это на койке больничной,
Когда она, слезы и жалобы пряча,
Ладонь ему клала движеньем привычным
На лоб дорогой, нестерпимо горячий.
А дети —

их трое росло-подрастало.
Любил он их сильно, а видел их мало.

Начальник района прощается с нами,
Впервые за жизнь не закончив работы, —
Еще не шумят берега тополями,
Не собраны к шлюзу стальные ворота.
А рядом с начальником в эту минуту
Прораб «восемнадцатъ» идет по каналу.
Давно ли птенец со скамьи института —
Он прожил немного, а сделал немало.
Сегодня, волнуясь, по трассе идет он,
Глядит на дорогу воды и бетона.
Мечты и надежды, мосты и ворота

Ему доверяет начальник района.
Выходит он в путь, беспокойный и дальний.
Что скажет ему на прощанье начальник?

О том, как расставить теперь инженеров?
Как сделать, чтоб паводок — вечный обманщик —
Пришел не врагом, а помощником верным?
Об этом не раз уже сказано раньше.
И так необычно для этой минуты
Начальник спросил:

— Вы женаты как будто?

И слышит вчерашний прораб удивленно,
Растерянно глядя на выцветший китель,
Как старый суровый начальник района
Ему говорит:

— А любовь берегите.

Над кромкою шлюза стоят они двое
И знают: сейчас разойдутся дороги.
И старший, как прежде, кивнув головою,
Отсюда уйдет похудевший и строгий.
Сдвигает сочувственно молодость брови,
Слова утешенья уже наготове.
Но сильные слов утешенья боятся,
Чтоб только не дать с языка им сорваться,
Начальник его оборвал на полслове.
Горячую руку ему подает,
А сам говорит, сколько рыбы наловит
И как он Толстого всего перечтет.
В тенистом саду под кустами сирени
Он будет и рад не спешить никуда,
Припомнить промчавшиеся года,
Внучонка-вьюна посадить на колени.
Починят, подправят врачи на покое,
И, может быть, снова здоровье вернется.
Пушай небольшое, пушай не такое,
Но дело строителю всюду найдется.

Немного сутулый, немного усталый,
Идет он к поселку большими шагами.
Ему благодарна земля под ногами
За то, что он строил моря и каналы.
Идет он, счастливый, как все полководцы,

Чей путь завершился победой большою.
Идет он к поселку навстречу покою,
А сердце в степи навсегда остается.
Ему ни чинов, ни отличий...

Признаться,
Он слишком привык к этим краям плечистым —
Ему бы остаться, хоть на год остаться,
Прорабом, десятником, машинистом...
А дышится тяжело, а дышится худо.
Последняя ночь. Он уедет отсюда.
Но здесь он останется прочным бетоном,
Бегущей водой, нержавеющей сталью,
Людьми, что он вырастил, — целым районом,
Великой любовью и светлой печалью.

1952.

II

ЭЛБЕН СТАЛИН!

Флаги, флаги вокруг,
 словно мир открыт.

И улыбки,
и песни,
и солнце
навстречу

Над приливом
восьмидесяти знамен
И бесчисленных уже языков и наречий.
Волны греческой песни срываются с губ.
Рядом с вольными греками — юность Вьетнама.

Голос Мира
командует звуками труб,
Барабанов и скрипок,
рожек и там-тамов.

Здравствуй, слава Китая!
С тобой мы сильнее.
Здравствуй, юность свободных и мирных народов!
Все мы нынче в гостях у венгерских друзей.
«Эльен» — значит «да здравствует».

— Эльен Свобода!

Заповедное слово несется с трибун,
Голос Мира на этой земле
председатель!

Здравствуй, молодость!
— Эльен Мао Цзэ-дун!

— Эльен Ракоши!
— Эльен Торез
и Тольятти! —
Именами борцов здесь встречают народ.

Мы пустили бы всех,
Да не наша тут воля, —
Вы же сами
Стоите, друзья, на контроле.
Слишком мал этот зал,
Только тысячи на три.
Целый мир ни в каком
Не уместишь театр!
Но, друзья,
Не последняя встреча у нас,
Повторим мы наш вечер
Хоть тысячу раз!

Концерт идет. Как передать волнение
За тех, кто там, напротив нас, на сцене!
От имени советской молодежи
Доверено им выступить сейчас.
Как мне хотелось крикнуть им из ложи:
— Смелей, друзья! Весь мир глядит на вас!
А зал многоязыкий, небывалый,
И вправду мир сейчас глядит из зала
В шесть тысяч глаз, в шесть тысяч жарких глаз.

А зал глядит
и жадно ловит слово
На языке, еще для многих новом,
И заставляет снова петь и петь.
А зал следит за каждым взлетом танца,
За пируэтом Гоши Фарманянца,
И зрители не могут усидеть!
И «Эльен комсомол!» — грохочет в зале,
И зал встает при звуке этих слов.
И раздвигает стены «Эльен Сталин!» —
Единый взлет трех тысяч голосов.

А хор завода Сталина поет
Венгерский гимн на языке венгерском
И выпускает в праздничный полет
То ласково, то радостно, то дерзко
Бессмертных русских песен хоровод.

Мою руку хватает
Рукой своей жаркой

Незнакомая мне
Молодая мадьярка.
На глазах ее слезы...
— Скажите, что сделать,
Чтобы наше искусство
Вот так же звенело?

А в партере ладони
Красны, как с мороза,—
Вызывают казашку
Багланову Розу,
Рукоплещут грузину,
Что встал у рояля,
Легконогой узбечке
Измайловой Гале.
Зал вступает за ними
На землю свободы,
Землю творческой дружбы
Советских народов.
Это будущий мир,
Это солнечный берег
Для индусов и негров,
Сидящих в партере!

А за стеною, так же как вначале,
Четвертый час вся площадь на причале.
Четвертый час в многоголосой шири
Она звенит о счастье и о мире.
Глядит на дверь.

И снова ждет и ждет,
Пока в театре перед их друзьями —
Советский герб, звезда с пятью лучами
И хор завода Сталина поет!

1949.

НА ОСТРОВЕ МАРГАРИТЫ¹

Кустами зелеными сцена покрыта,
Над зрительным залом звезды цветут.
Сегодня на острове Маргариты
Дальние страны концерт дают.

¹ Остров на Дунае, в Будапеште, где происходила часть концертов фестиваля.

Наполняется голос его небольшой.
Он страстно поет!

И в строгом молчанье
Под будапештским небом ночным
Стоят французы,

стоят англичане,
Американцы стоят перед ним.
Кустами зелеными сцена покрыта,
Над зрительным залом звезды цветут.
Сегодня на острове Маргариты
Дальние страны концерт дают —
Народы,

чей бой за свободу начат,
Народы,

чьи дети сегодня плачут,
Но завтра счастье свое обретут!

1949.

ПОД КАШТАНАМИ

М. Исаковскому

Под каштанами, сторонкою,
Два болгарина идут.
Песню светлую и звонкую
Два болгарина поют.

К ней не надо комментариев —
Песня льется без помех:
Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех.

1949.

В ПАРКЕ

В Будапеште над листвою парка
В крупных звездах синий небосвод.
Тихим парком девушка-болгарка
С итальянским юношей идет.
Там, где песни мира запевали,
Голос дружбы их соединил,
Он ее узнал на фестивале
И любовью первой полюбил.
Разве знает юность огневая,

Где сй встретится любимый друг?
Им бы так идти, не расставаясь,
Милых рук не выпускать из рук.

Только как же

ту, что всех милее,
Позовет он в дальний край родной,
Где он даже крова не имеет,
Безработный докер молодой.
Где — за то, что верен беспредельно
Юноша народу своему, —
Может, завтра будет он застрелен
Или брошен без суда в тюрьму.

Он бы мог уехать вместе с нею,
Жить в труде, веселье и тепле
С верною подругою своею
На болгарской радостной земле.
Но еще сильнее, чем руки эти,
Любит он Италию свою.
Не затем он рос на белом свете,
Чтобы мирно жить в чужом краю.
Не затем копил он в сердце силы,
Чтоб забыть народ в беде большой.

...И она б его не полюбила,
Будь он трусом с мелкою душой.

Под листвою, куда лишь месяц глянет,
Где звезда скатилась, как слеза,
О любви ей шепчет итальянец
И целует грустные глаза.

1949.

СОЛДАТАМ КОРЕИ

Я помню: корейки танцевали,
И шарфы в легких девичьих руках
Переплетались,
флагами взмывали
И отражались в пестрых облаках.
А танец все прекрасней, все быстрее...
И люди разных стран,
и я, и ты,
Приветствуя свободную Корею,

Восторженно бросали им цветы.
Давно ли это было?

Кровь и слезы
Тот день недавний спрятали в туман.
Полки американских бомбовозов
Под дымным небом
мчатся на Пхеньян.
Развалины и трупы,
полустанки

В щеле и щелбе,
трасса палачей —
Вот путь, который избирают янки,
Покорные безумью богачей.
И девушка,
убитая осколком,
Не та ль, что улыбалась нам вчера,
Не та ль,
с которой наша комсомолка,
Обнявшись, пела около костра?
Привет последний шлю ей, как сестре, я,
Да будет смерть ее отомщена!
Нет севера и юга!

Есть Корея,
Единая и вольная страна!
Есть люди, что идут в огонь и в воду
И насмерть перед танками стоят.
Народ, который раз узнал свободу,
Ее вовеки не отдаст назад!
И мир запомнит навсегда
не жалость,
А восхищенье праведной борьбой, —
Как малая Корея не сдавалась
Преступникам Америки большой.
Вам, юноши, что песни мира пели,
За мир сражаться выпал вам черед.
И, с юных лет одетые в шинели,
Мы помним вас, мы верим в ваш народ!
Мы встретимся опять в свободных странах,
Под мирным небом у родных костров.
Танцующих

счастливых корейнок
Засыплет мир букетами цветов.

Август — октябрь 1950.

БУДЕТ ЛИ ВОЙНА?

Мать моего погибшего друга,
Заботой о целом мире полна,
Положив на плечо мне теплую руку,
Спросила:

— Будет ли вновь война?

В сердечной боли, в большой печали
Морщинки у глаз ее задрожали.
Ей вспомнились бомбами взрытые пашни,
Горящие школы вспомнились ей.

— Послушай, — она говорит, — мне страшно
Не за себя, за твоих детей.

— Мама, — ответил я тихо, — мама!
Ваше сердце полно забот, —
Я мог бы солгать вам, но правда упряма:
Взгляните на карту —

война идет!

Дым и пепел доносит ветер
С гор, где сражается храбрый Вьетнам,
В Индонезии —

слышите? —

плачут дети

И руки протягивают к нам.
А мать, откинув седые пряди
С высокого русского умного лба,
В глаза мои взглядом суровым глядя,
Говорит мне:

— Я знаю, что там борьба.

Мне больно за мирных людей Вьетнама,
И горе моих корейских детей

Слезинкою каждую в сердце прямо
Стучит в тишине бессонных ночей.

Но я не об этом тебя спросила,
Не думать о Родине я не вольна:
Чтоб нашу пшеницу огнем косила —
Такая будет ли вновь война?

Бесстрашная, — в тот смертоносный год
Сама она сына благословляла,
Работала, верила, недоедала,
Кормила и грела чужих сирот.
Она стоит, моих слов ожидая,

Спокойствие в ясных чертах храня.
— Мама,— ответил я,— вы седая,
Вы помните прошлое лучше меня.
Вы помните, как, сердца разрывая,
Гремела первая мировая.
Пока они, в полной тогда еще силе,
Занимались в дворцах дележом земли,
Они навек потеряли Россию,
А мы свою Родину обрели.
Мама, вы помните сорок пятый,—
Пока они сеяли пламя вокруг,
У банкирских домов проклятых
Пол-Европы ушло из рук.
А вслед за Европой, измучена властью
Дельцов, не дававших народам вздохнуть,
Азия встала на бой за счастье,
Вышел Китай на великий путь.
Так разве ж не ясно, что каждый выстрел
Под мирным небом любых широт
Становится неугасимой искрой,
Зажигающей гневом целый народ?
Им, разжиревшим на безработице,
Надо помнить: если развяжут войну,
Не один банкирский дом обанкротится,
А весь Уолл-стрит пойдет ко дну.
Мама! Наша гшеница пылать не будет,
Потому что мы небывало сильны,
Потому что повсюду простые люди,
Как вы и как я,
не желают войны.

1950.

III

ГИМН ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ МИРА

(Гимн ВФДМ)

Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем.
В эти грозные годы
Мы за счастье бороться идем.
В разных землях и странах,
На морях-океанах
Каждый, кто молод,
Дайте нам руки —
В наши ряды, друзья!

Песню дружбы запекает молодежь.
Эту песню не задушишь, не убьешь!
Нам, молодым,
Вторит песней той
Весь шар земной.
Эту песню не задушишь, не убьешь!

Помним грохот металла
И друзей боевых имена.
Кровью праведной алой
Наша дружба навек скреплена.
Всех, кто честен душою,
Мы зовем за собою.
Счастье народов,
Светлое завтра
В наших руках, друзья!

Молодыми сердцами
Повторяем мы клятвы слова,
Подымаем мы знамя

За священные наши права.
Снова черные силы
Роят миру могилу.
Каждый, кто честен,
Встань с нами вместе
Против огня войны!

Песню дружбы запевает молодежь.
Эту песню не задушишь, не убьешь!
Нам, молодым,
Вторит песней той
Весь шар земной.
Эту песню не задушишь, не убьешь!

1947

ГИМН МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА СТУДЕНТОВ

Песня студентов над миром несется,
Руки даем мы друзьям молодым.
Чистое небо и яркое солнце
Дымом пожаров закрыть не дадим.

Воля друзей,
Верных друзей
Атомной бомбы и пушек сильней!
Верой полна,
Дружбой сильна,
Молодость наша
борьбе за мир
верна.

Светом полна,
Дружбой сильна,
К счастью дорога у нас одна!

Все, кто упорно желает учиться,
Знания берите трудом и борьбой!
Мы за науку, что к миру стремится,
К счастью народы зовет за собой.

В пламени битвы мы стали друзьями,
Помним мы землю в крови и в золе.

Встаньте, студенты, на главный экзамен:
Стойко боритесь за мир на земле!

Воля друзей,
Верных друзей
Атомной бомбы и пушек сильней!
Верой полна,
Дружбой сильна,
Молодость наша
борьбе за мир
верна.

Светом полна,
Дружбой сильна,
К счастью дорога у нас одна!

1949.

В БОЙ ЗА РОДИНУ!

Пролетают кони
Шляхом каменистым.
В стремени привстал передовой.
И поэскадронно
Бойцы-кавалеристы,
Подтянув поводья, вылетают в бой.

В бой за Родину!
В бой за Сталина!
За него сумеем постоять!
Кони сытые
Бьют копытами.
По руке нам шашки рукоять!

Всю страну прошли мы
В годы боевые,
Всю страну прошли во все концы.
В Сталинской дивизии
Кони золотые,
Шашки огневые, крепкие бойцы.

Не разбил в боях нас
Враг в былые годы,
И дружны, как прежде, мы с клинком.

Мчится кавалерия,
И в бои-походы
Танк несется вместе с боевым конем.

Ордена недаром
Нам страна вручила,
Помнит это каждый наш боец.
Мы готовы к бою,
Товарищ Ворошилов!
Мы готовы к бою, Сталин, наш отец!

В бой за Родину!
В бой за Сталина!
За него сумеем постоять!
Кони сытые
Бьют копытами.
По руке нам шашки рукоять!

1939

ЕХАЛ Я ИЗ БЕРЛИНА

Ехал я из Берлина
По дороге прямой,
На попутных машинах
Ехал с фронта домой.
Ехал мимо Варшавы,
Ехал мимо Орла —
Там, где русская слава
Все тропинки прошла.

Очень дальние дали
Мы с друзьями прошли
И нигде не видали
Лучше нашей земли.
Наше солнышко краше,
И скажу, не тая:
Лучше девушек наших
Нет на свете, друзья!

За весенние ночи,
За родную страну
Да за карие очи
Я ходил на войну.

Вы цветите пышнее,
Золотые края.
Ты целуй горячее,
Дорогая моя!

ДОРОГИ

Вьется пыль под сапогами —
 степями,
 полями...

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Выстрел грянет,
Ворон кружит,
Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит.

А дорога дальше мчится,
пылится,
клубится.

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Край сосновый.
Солнце встает.
У крыльца родного
Мать сыночка ждет.

И бескрайнными путями — степями, полями —

1945.

ФУТБОЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

На лучистом, чистом небе солнце светит,
С высоты с любопытством глядит.
Быстроноги футболисты, словно ветер.
Кто кого в этот раз победит?

Удар короткий —
И мяч в воротах!
Кричат «болельщики», свисток дает судья.
Вперед, друзья!
Быстроноги футболисты, словно ветер.
Кто кого в этот раз победит?

В небе злая грозовая панорама,
Мяч плывет у ворот по воде.
Но упрямо едет прямо на «Динамо»
Вся Москва, позабыв о дожде.

Мы нередко, мы нередко били метко:
— Ну-ка, друг, мимо рук получи!
И к британцам и к шотландцам прямо в сетку
Из Москвы залетали мячи.

Над зеленым стадионом с легким звоном
Хочет мяч целый мир облететь.
Слава смелым и умелым чемпионам
И привет тем, кто любит «болеть»!

Не гордитесь, берегитесь, чемпионы,
Мастера—ветераны мяча:
В каждом поле, в каждой школе стадионы!
До чего ж молодежь горяча!

Удар короткий —
И мяч в воротах!
Кричат «болельщики», свисток дает судья.
Вперед, друзья!
В каждом поле, в каждой школе стадионы!
До чего ж молодежь горяча!

НА КАТКЕ

Вьется легкий вечерний снежок,
Голубые мерцают огни,
И звенит под ногами каток,
Словно в давние школьные дни.

Вот ты мчишься туда, где огни.
Я зову, но тебя уже нет!
— Догони, догони!—
Ты лукаво кричишь мне в ответ.

Так же вился вечерний снежок,
Я робел, заходя за тобой.
Мы бежали вдвоем на каток,
На сверкающий лед голубой.

Но туда, где искрятся огни,
Ты с другим убежала вперед.
— Догони, догони!
Только сердце ревниво замрет.

Много дальних и трудных дорог
Я прошел за любовью своей.
Пусть огнями сверкает каток,
Пусть снежок завивает сильней!

Мы несемся навстречу огню,
И коньки подпевают, звеня.
— Догоню, догоню!
Ты теперь не уйдешь от меня!

1947.

КОЛОКОЛЬЧИКИ ЗВЕНЯТ

Ты земли едва касаешься,
Только травы шевелишь.
Что ж ты птицам улыбаешься,
На меня не поглядишь?
Косы за плечи заброшены,
Очи звездами горят,
А вокруг в лугах некошенных
Колокольчики звенят.

Урожай твой в поле славится,
И сама ты всех милей.
Отвечай, моя красавица,
На слова любви моей!
Ты под звездами лучистыми
Отвела лукавый взгляд,
Рассмеялась, голосистая, —
Колокольчики звенят!

Светит месяц через облако
В нашем стане полевом.
И с тобой, родная, об руку
До рассвета мы дойдем.
Здравствуй, зорька предрассветная!
Снова день трудом богат.
Ты запела песню светлую —
Колокольчики звенят!

Не жалея, силу тратили
Мы для счастья этих дней.
Я беру у председателя
Тройку свадебных коней.
Ты сказала слово звонкое,
Кони к счастью нас помчат...
И над всей родной сторонкою
Колокольчики звенят.

1949.

СОДЕРЖАНИЕ

И будет вечно жить товарищ Сталин	3
---	---

I

Начало биографии	4
На апрельских бульварах	5
«Товарищ мой! Тому, кто подрасти...»	6
Ушелье	7
Олененок	8
Разговор в тундре	8
Начальник района прощается с нами	9

II

Эльен Сталин!	13
Первый концерт	14
На острове Маргариты	16
Под каштанами	18
В парке	18
Солдатам Кореи	19
Будет ли война?	21

III

Гимн демократической молодежи мира	23
Гимн Международного союза студентов	24
В бой за Родину!	25
Ехал я из Берлина	26
Дороги	27
Почему?	28
Футбольная песенка	29
На катке	30
Колокольчики звенят	30

Редактор — Г. ЯРЦЕВ.

А 01078. Подписано к печати 19/III 1953 г. Тираж 150.000. Заказ 359.

Изд. № 237. Формат бумаги 70 × 108½. 0,5 бум. л.—1,37 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, улица «Правды», 24.

Цена 40 коп.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

ПОЭЗИЯ

КЕМИН Э. Стихотворения, пер. с туркменск. 78 стр.

Цена 3 руб

КУДАШ С. Стихотворения и поэмы, пер. с башкирского.

222 стр. Цена 5 р. 50 к.

ЛУКОНИН М. Стихотворения и поэмы, 277 стр. Цена

8 р. 70 к.

НАГНИБЕДА М. Стихи, пер. с украинского. 126 стр.

Цена 4 р. 40 к.

ПАНЧЕНКО П. Стихотворения, пер. с белорусского.

246 стр. Цена 4 р. 30 к.

РЗА Р. Ленин. Поэма, пер с азербайдж. 217 стр. Цена

6 р. 35 к.

ТАНК М. Стихи, сказки, поэмы, пер. с белорусского.

406 стр. Цена 9 р. 45 к.

ВАНЦАРОВ Н. Песни о человеке. Избранные стихи, пер.

с венгерского. 125 стр. Цена 3 р. 50 к.

ТЕЛЬВИТИС Т. Избранное, пер. с литовского. 247 стр.

Цена 5 р. 65 к.

ШМУУЛ Ю. Стихотворения. Поэмы, пер. с эстонского

142 стр. Цена 4 р. 75 к.

БЕЗЫМЕНСКИЙ А. Стихи. Поэмы. 522 стр. Цена

12 р. 80 к.

ВУРГУН С. Избранное, пер. с азербайдж. 416 стр.

Цена 10 р. 30 к.

ГОЛОДНЫЙ М. Стихи. Баллады. Песни. 135 стр. Цена

2 р. 40 к.

ГРИБАЧЕВ Н. После грозы. 122 стр. Цена 2 р. 25 к.

ИНБЕР В. Поэмы и стихи. 194 стр. Цена 3 р. 50 к.

САРЯН Г. Стихотворения и поэмы, пер. с армянского.

142 стр. Цена 5 р. 45 к.

СУРКОВ А. Миру — мир. 214 стр. Цена 3 р. 25 к.

ПРОДАЖА В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ.

Книги также высылаются наложенным платежом
отделами «Книга — почтой» республиканских, краевых,
областных книготоргов.

СОЮЗОПТКНИГОТОРГ
ГЛАВПОЛИГРАФИЗДАТА